

Проф. Кармело Дотоло, богослов

Евхаристическое существование Иисуса из Назарета

1 Символика хлеба и антропология бедности

Нет сомнений в том, что евхаристия тесно связана с нашим путем, с поиском сущности человека и смысла жизни. Она говорит нам о том, кем мы являемся и кем должны были бы быть через присутствие вещей, казалось бы, недолговечных и банальных: хлеба и вина. Не случайно, в библейском повествовании символика **пира** является центральной — того **пира**, который в исторических событиях жизни Иисуса становится знаком иного образа жизни и иного придания формы человеческому существованию. Общая трапеза становится также выражением пространства, которое только устраивается, места в котором создаются условия для преобразования истории. Здесь происходит понимание динамизма творческого проекта Бога, который направлен на исполнение обещания освобождения и спасения.

Надо сказать, также, что знак хлеба выражает фундаментальную антропологическую истину: быть человеком это заданность, которая была дарована, и чье первое условие это собственно уметь принимать. Каждый из нас определяется этим отношением дарения-принятия, которое апеллирует к изначальной связи с Богом. Человек это бесконечно нуждающееся существо. Бедность содержит в себе в качестве потенциальной возможности как свое очеловечение (гуманизацию), так и искушение замаскировать ее, закрывшись в себе и отгородившись от другого. Под этим углом рассмотрения, антропология бедности, символизированная в хлебе, поясняет значение человеческой личности по крайней мере на трех уровнях.

Во-первых, **бедность обычной жизни**. Это признак того, что жизнь сама по себе не содержит в себе своего основания, и что каждый человек структурно характеризуется нуждой, желанием, ожиданием иного завтра. Хотя это может показаться странным, но в утверждении о бедности как об условии существования, сохраняется **ощущение реальности как дара**, предназначенного быть принятым и осуществленным. Истина существования принимает законченную форму сообразуясь не с логикой полезности или необходимости, но с законом дара, в неожиданном знаке безвозмездной щедрости, происходящей из свободы.

Во-вторых, **бедность согласно логике любви**. Каждый подлинный акт любви делает

бедным, потому что вовлекает человека во всей полноте и имеет в качестве следствия снижение безопасности и внешней объективной защищенности. Тот, кто **любит всегда открыт**. Поэтому любить возможно только в духе бедности, если ты способен не исправлять другого, а дать волю его свободе и его своеобразию, что часто отрывает от своих собственных предварительных представлений о жизни. Тот, кто не беден в этом смысле, остается замкнут в себе, неспособен к будущему, поскольку не открыт к явлению другого.

Любовь, по замыслу Нового Завета¹, включает в себя инверсию природного эгоистического движения от «я» к этому же собственному «я», и восстановление существования, которое создается отношениями, не основанными на логике собственности и самодостаточности. Именно так, как жил Иисус Христос, который в опыт отказа от Себя и дара Себя другим показал ценность логики любви, не знающей границ. И не случайно **образ милосердного самарянина** (Лк. 10, 25-37) заново показывает сущность любви, как способности «стать ближним» и, следовательно, расширяет понимание личности, которая существует только если оставляет место для другого, в принятии и в готовности к гостеприимству. Каждая вещь возвращается на свое подлинное место в этой перспективе, которая в конечном итоге устремлена к созданию этики солидарности, экономики общего блага. Как не уловить в простых и символически значимых поступках самарянина именно свободу — в использовании денег, в обмене благами и внимании к исцелению другого?

Наконец, **бедность как условие общения**. Антропологический секрет христианства состоит именно в том чтобы быть «личностью», т.е. в преобразении индивидуума в субъект отношений и коллектива — в общину. Человек призван к тому, чтобы преодолеть индивидуализм и его обратную сторону — анонимный коллективизм, — выстраивая жизнь, которая есть встреча субъектов в свободной взаимности и соучастии. На этом уровне становится понятной сегодняшняя важность для истории человечества ценности **праздничного сотрапезничества и гостеприимства**, особенно в контексте встречи разных культур. По ту сторону всякой риторики, опыт всегда показывает нам, что в отсутствии культуры принятия другого и соучастия, мы рискуем сделать еще более непригодными для жизни наши города, подтачивая уважение к тому, кто является чужестранцем и истощая ресурсы земли. «Цивилизация сосуществования не есть утопическая модель, но это часть существующей реальности, даже если для созидания совместной жизни требуется больше труда, на множестве уровней, как условие мирного будущего или по крайней мере снижения

¹ Cf. R. SCHNACKENBURG, *Il messaggio morale del Nuovo Testamento I. Da Gesù alla chiesa primitiva*, Paideia, Brescia 1989, 107-119.

конфликтности»².

2 Хлеб как закон жизни

При ближайшем рассмотрении, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в событии-опыте *завета*, народ Израиля сопровождался особым знаменем: манной. С этим знаменем, как известно, связан конфликт интерпретаций, напоминающий о различном прочтении отношений с Богом. Причина этого внешне проста: завет это фундаментальное отношение Бога с человеком, в котором ставится на карту сама суть существования как поиска счастья и смысла. Форма завета представляется как закон жизни. А закон, в библейском тексте, всегда находится в отношении с благами, вернее с тем решающим благом, за которое борется и на которое полагается каждый мужчина и женщина. Не удивительно, что жизнь является центром заботы Бога, особенно там где она обедняется, отчуждается, становится невозможной из-за дискриминационного насилия со стороны тех, кто осуществляет власть. Тем не менее, вся педагогика откровения показывает то, что жизнь, даже в опыте пустыни, становится возможной благодаря Богу, который поддерживает жизнь в людях с помощью манны, хлеба пустыни. Хлеб, который есть дар, но также и **закон жизни**, образ иного способа выстраивать межличностные отношения и проектировать (в будущее) собственное существование.

Поэтому манна это также и проверка, символ свободы человека (Исх 16, 4; Вт 8, 2): и в этом символе, который должен быть верно истолкован, присутствует истина жизни. Не определяется ли пустыня, сама по себе, как место перехода, как время которое равно самому себе, как место где манна присутствует все дни, вплоть до тошноты (Числа 11, 6)? Почему? Потому что для того, чтобы стать новыми людьми, которые не оплакивают хлеб и луковицы Египта, - нужен длительный процесс, требующий понимания закона, который символизирует манна: жить в доверии или умереть; принимать закон как дар и этот общий дар как образ жизни. «Манна это хлеб который ставит под закон того, кто его дает. Закон, который символизирует манна, состоит в том, чтобы ожидать все от Него. То, что заповедано — это верить»³. А верить таким образом подразумевает создавать условия для того, чтобы земля была обитаема, принимая безусловленную любовь Бога как критерий истории.

3 Давать жизнь: евхаристическое существование Иисуса

2 А. RICCARDI, *Convivere*, Laterza, Roma-Bari 2006, 82.

3 P. BEAUCHAMP, *L'uno e l'altro testamento. Saggio di lettura*, Paideia, Brescia 1985, 56.

В этой перспективе располагается и евангельское новозаветное повествование⁴, в котором разделенный хлеб несет мессианское значение дарования жизни. Уникальная история Иисуса из Назарета подчеркивает значение евхаристического существования, включая его в благую весть Царства⁵. Категория Царства, хотя и в преемственности с еврейским религиозным опытом, приобретает новое наполнение, смелое в своей экзистенциальной форме, потому что ставит в центр тех, кто живет в анонимности, в социально-религиозной маргинальности, кто презираем в культурном отношении. Это связано со свободой и открытостью Иисуса, который показывает бытие Бога с каждым человеком, «свободу не желать обладать и отсюда дарение Себя другим, не в моралистическом смысле, но как поступок очевидной необходимости»⁶. Если близость царствования Бога видима и осязаема, то это потому, что существование Иисуса включило в человеческие отношения опыт братства, как заново возможного для человека, — знамение парадоксальное, которое опрокидывает привычки, идеологии и верования. Поэтому поведение Иисуса, который сидит за столом с людьми малоуважаемыми, немало скандализирует культурное и религиозное окружение. «Эти трапезы с «грешниками» - одна из наиболее удивительных и опригинальных черт Иисуса, это может быть то, что в наибольшей степени отличает его от своих современников и от всех пророков и учителей прошлого»⁷. Есть вместе — это то, что выходит за рамки очевидной необходимости питания, т.е. подвергает критике глубоко укоренившийся способ мышления и отношение к жизни замкнутое на собственных потребностях. Есть и пить, на самом деле, является существенным критерием идентичности и принадлежности, способным провести границы и разделения между различными группами⁸. Отсюда понятен провокативный импульс этого стиля и этой миссионерской практики, которая ставит в центр совместное участие и взаимность отношений. Ученики, которых выбирает Иисус (Мк 6, 7-10, Мф 10, 5-15, Лк 9: 1-6), полагают начало движению верных, которое характеризуется универсальным братством, где поддерживается в качестве способа быть людьми — способность поделиться всем в безвозмездной щедрости и без притязаний⁹.

Подтекст «дара-принятия» принадлежит новому мессианскому порядку, представленному в синтезе в событии умножения хлебов (ср. Мк 6, 39-42). Этот жест останется в последующей традиции христианской общины как **парадигматический акт**, в котором смысл пира

4 Cf. X. LEON-DUFOUR, *Condividere il pane eucaristico secondo il Nuovo Testamento*, LDC, Torino 1983.

5 Cf. J. SCHLOSSER, *Regno di Dio*, in R. PENNA – G. PEREGO – G. RAVASI (edd.), *Temi teologici della Bibbia*, San Paolo, Cinisello Balsamo 2010, 1133-1138.

6 P. GAMBERINI, *Questo Gesù (At 2,32). Pensare la singolarità di Gesù Cristo*, EDB, Bologna 2005, 89.

7 J. A. PAGOLA, *Gesù. Un approccio storico*, Borla, Roma 2009, 224.

8 Cf. O. da SPINETOLI, *Luca. Il vangelo dei poveri*, Cittadella Editrice, Assisi 1999, 480-484.

9 Scrive C. DUQUOC, «*Credo la Chiesa*». *Precarietà istituzionale e Regno di Dio*, Queriniana, Brescia 2001, 307: «Царство присутствует не в юридических институтах, но в действиях предведных людей. Там, где сила добра завладевает отступить зло, которое всегда искушает, присутствует Царство».

содержится как пророчество и повествование о новом мире. Ясно, однако, что фундаментальное значение этого акта основано на способе, которым Иисус осуществил и прожил свою евхаристическое существование¹⁰.

Первый факт — это преобразование трапезы из места ритуальности, которое стремится разделить, в момент праздника, в котором верх берет логика прощения и согласия без осуждения. Не так значительны правила чистоты, сколько тот процесс, который ведет к принятию инаковости и различия как выражению общения. Немаловажно то обстоятельство, что пир открыт и для язычников (Мк 7, 24-30), словно для того, чтобы наметить **утопическое пространство** для всего человечества. Конечно, для первых христианских общин, столкнувшихся с осознанием собственной исторической роли, это было не просто, о чем свидетельствуют проблемы относящиеся к трапезам иудео-христианских общин в соотношении с иными обычаями христиан происходящих из эллинистической культуры.

Тем не менее, в этом совместном участии без границ, чувствуется сила призыва, которая оттесняет религиозные ожидания и побуждает к обращению этическому и духовному. Причина этого в парадоксальной центральности пира как эсхатологической метафоры иного мира. «Мы имеем яркий образ уверенности Иисуса в будущем и определенном пришествии царского владычества Бога, представленном в виде метафоры пира. С торжественным объявлением о том, что язычники соединяются на общей трапезе с патриархами Израиля, умершими века назад, Иисус обозначает, что это царство Бога, вполне осуществленное, - это не только будущее, но что оно также, в определенном смысле, неотрывно от мира нынешнего»¹¹.

Второй элемент, возможно наиболее определяющий, это то, что хлеб разделенный и предложенный заключает в себе весь мессианский путь Иисуса. Для первых христианских общин совместная трапеза это знак нового рождения, которое стало возможным благодаря той качественной трансформации, которую Иисус осуществил в перспективе дара Себя Самого, основав таким образом новое общение (причастие) хлеба и вина для других.

Тайна особого мессианизма Иисуса состоит в том, что на трапезе Он предвосхищает и осуществляет надежду на будущее, отмеченное любовью, которая преобразит сложившиеся

10 Можно указать на диалог о хлебе жизни в Ин 6, 26-59, как выражение самооткровения Иисуса, которое отстает таинственным символом и расшифровывается только начиная с пасхального события. Как отмечает М. PALINURO, «*Tu chi sei?*». *Le autorivelazioni di Cristo nel Vangelo di Giovanni*, Città Nuova, Roma 2010, 196: «В этом контексте, самооткровение Хлеба жизни, которое разворачивается исходя из последующих аллюзий на события исхода, о которых вспоминают и сами слушатели, — это центр того, как характеризует Себя Иисус в момент, когда Он сам говорит о Себе».

11 J. P. MEIER, *Un ebreo marginale. Ripensare il Gesù storico. 2 Mentore, messaggio e miracoli*, Queriniana, Brescia 2002, 402.

структуры несправедливости, умерщвления другого, презрения к тому, кто ничего не стоит. Евхаристия разрывает строгость критериев юридических и сакральных, открывая путь, в котором знаки принадлежности — иные. «Эта пища не основывается на установлениях или законах. Иисус не обязывает, но призывает со властью; не указывает законы пути, который нужно пройти насильно, но в ту самую ночь в которую Его предают, призывает братьев за стол и там, посередине празднования, преобразуя насилие в щедрость и предательство в принятие, предлагает им единство и жизнь своего тела»¹².

Таким образом, полагается начало мессианизму безвозмездной щедрости, которая делает из совместного участия и из закона взаимности проект, возможно хрупкий, экзистенциальной подлинности человека. Итак, не идет ли речь о настоящем и действительном перевороте? Не описывается ли в этой перспективе альтернатива христианской общине, призванной быть пространством евхаристического взаимопринятия?¹³ Пишет А. Паоли: «Если мы глубоко исследуем сущность Евхаристии, как прототип евангельского идеала, дар Христа как модель христианской любви, то обнаружим глубинный закон нашей жизни. Тело Христа дано нам потому что мы все ему уподобляемся и образуем общину. Если я не отдаю себя всерьез, целиком, внутри меня остаются черные пятна, пустоты, «низости», из которых неизбежно истекают ресурсы антипатии, ненависти, протеста»¹⁴.

4 Хлеб, знак нового человека и более справедливого мира

Проживать евхаристию как форму экзистенции в том смысле, какой придает ей личность Иисуса, - это значит очерчивать личную идентичность каждого человека, мужчины и женщины, через осуществление проекта жизни, как повествование об ином мире и соработничество ради него. Каким образом это возможно?

а) Прежде всего, соглашаясь с тем что дар — это способ быть человеком. «Человеческий дар, согласно тому чем он является, изменяет жизнь: вводит уровень существования в котором разница между знанием и признанием, между наслаждением и счастьем, ... Невозможно просто вернуться к тому существованию, которое было до дара. Та связь, которая устанавливается в силу дарения, в хорошем и в плохом, неразрывна: она продолжает действовать даже тогда, когда прерывается»¹⁵. Дарить означает доверять себя другому,

12 X. PIKAZA, *Questo è l'uomo. Manuale di cristologia*, Borla, Roma 1999, 408.

13 Cf. R. FABRIS, *Atti degli Apostoli*, Borla, Roma 1977, 114-115.

14 A. PAOLI, *Il difficile amore un uomo scendeva...*, Cittadella Editrice, Assisi 2008, 73.

15 P. SEQUERI, *Dono verticale e orizzontale: fra teologia, filosofia e antropologia*, in G. GASPARINI (ed.), *Il dono. Tra etica e scienze sociali*, Edizioni Lavoro/Editrice Esperienze, Roma-Fossano 1999, 143.

перейти от отчаяния к уверенности, совершая *пасху* (т.е. исход) в *желании добра*, как того ради чего стоит жить. В свете дара мы по другому воспринимаем вещи, время, других, самих себя, Бога. Не здесь ли находится ключ к прочтению молитвы **Отче наш**, в которой вопрос о хлебе подразумевает уверенность в личной щедрости Бога, Который любит жизнь?

b) Во-вторых, совместно разделенный хлеб показывает, что быть человеком это событие всегда новое, особенно в измерении **встречи** и **заботы** о другом. Только если мы живем в добре, в прощении, в общении без усталости, в гостеприимстве, мы имеем опыт аутентичного освобождения, т.е. такого, которое отмечено счастьем. В этом состоит секрет преобразования реальности, которое есть не «излишек благ самих по себе и также не технологическая мощь, способная продлить в бесконечность человеческие возможности, но взаимность доброты, являющейся мерилем всего остального согласно истине»¹⁶.

c) В-третьих, чтобы сделать среду более человеческой, как это предложено евхаристическим пиром, требуется смелость и выбор **оставить**. Отвергнуть собственный эгоизм означает осуществить собственный исход из своих мнений о жизни и о другом, преодолевая восприятие, основанное на прерассудках и задействуя историческую ответственность, которая призывает каждого участвовать в создании пространства повышения качества жизни. Это трудная задача, потому что дело касается способности поставить в центр любовь и сострадание, как знак новой идентичности. Любить — это слушать того, кто в нужде, отдаваясь потребностям другого. И именно в этом собственное Я находит наиболее глубокий фундамент.

d) Наконец, евхаристия — это символ спасения которое Бог предлагает человеку. Поэтому она приобщает **истине реальности**: истина в организации жизни, пользование благами и отношения с другими людьми согласно подлинным ценностям. Эти элементы вводят новую этику, в которой встреча с другими открывает возможность разблокировать логику соучастия и сострадания, которая содержится в самом сердце реальности, хотя и парализована эгоистической свободой человека.

«Плоды этого ежедневного евхаристического существования — доверие, свобода духа, спокойный труд понимания реальности, диалог, компетентность в своей работе, щедрость, прощение, преданность в межличностных отношениях, истина в отношении самих себя. Это

16 C. DI SANTE, *Il Padre nostro. L'esperienza di Dio nella tradizione ebraico-cristiana*, Cittadella Editrice, Assisi 1995, 158.

способ интерпретировать существование и проживать его, которое воплощает евхаристию в жизнь и преобразует жизнь в постоянное благодарение» (Итальянская Епископская конференция, *Евхаристия, общение и община*, 63).